

И.Ю. Кобзев

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
(путевые заметки философа)

Моей сорокалетней супруге

*«...Сорокалетье взяв за середину,
Мы постоим на этом перевале
И тихо двинем в новую долину»
(Юрий Визбор)*

1

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». С чего он взял, что счастливые семьи похожи? Счастье людей так же различно, как и сами люди, и то, что составляет счастье одних, другим будет казаться тоской и мучением. Поэтому на самом деле каждая счастливая семья счастлива по-своему. И все-таки, и все-таки... Все-таки есть в самой глубине их жизни такое, что делает эту фразу Толстого истиной. Но что же это?

Вот двое уже совсем немолодых супругов сидят молча у камина и смотрят в огонь. В комнате тихо, только слышно как громко тикают часы, да изредка включается холодильник. Но это не шум – эти звуки естественно входят в состав тишины и не отвлекают от молчания. Когда вместе прожито сорок лет говорить уже не обязательно. Слова произносятся редко, потому что за каждым из них скрывается айсберг прожитых лет. Поэтому почти все слова становятся разновидностями символов или афоризмов, над которыми оба смеются до слез, хотя посторонний не нашел бы ничего смешного в редких и не связанных между собой словах. Он спросит: «Как ты?». Она ответит: «Как лошадь в горящей избе». Он скажет: «Да, ты баба хоть куда!». А она ответит: «Ну да, баба ходь туда, не знаю куда и находь то, не знаю что». И оба хохочут, ощущая на языке терпкое послевкусие этой словесной эквилибристики. А иногда вместо слов один из них просто чуть касается руки другого и тогда в их старых глазах вспыхивает свет счастья. Это и есть оно – счастье, густое и тягучее как мед, согревающее и хмельное как медовуха. Но кому бы пришлось в голову вынести это счастье на всеобщий обзор в

каком-нибудь реалити-шоу. Тут не на что смотреть. Здесь не может быть зрителей, кроме них двоих, которые оказались и авторами и актерами этой любительской пьесы длинную в целую жизнь.

После сорока лет совместной жизни они стали так же одиноки в своем счастье как может быть одинок и счастлив только Бог. О, это сравнение только на первый взгляд кажется дерзким и неуместным. А на самом деле смысл супружеской жизни именно в этом и состоит – привести человека к божественному одиночеству. Которое и есть счастье. В нем и осуществляется «образ и подобие», о котором много говорят, но слабо понимают что это такое. А по-моему божественное подобие проявляется не в отдельном человеке, а в супружеской паре, ставшей за долгие годы «нераздельной и неслиянной». Это почувствовал Гоголь и показал в «Старосветских помещиках», быть может не понимая до конца, что он открыл. А приоткрыл он способ существования Бога – не более и не менее. Григорий Померанц, размышляя над Рублевской Троицей, описал этот способ как «тринитарное остранение»: на иконе одна ипостась Троицы в какой-то своей детали противостоит двум другим ее ипостасям. Два против одного, или чет против нечета, или множественность против единичности. Но чет – это символ женского начала, а нечет – мужского. Поэтому внутренняя жизнь Троицы совершается во взаимных переходах женского и мужского начал. Бог как бы существует в божественном браке. Это понимали еще древние шумеры, которые совершали ритуал иерогамии – священного брака между царем и верховной жрицей Инанны, богини любви и плодородия. Но верховной жрицей могла быть и часто бывала близкая родственница царя и таким образом священный брак приобретал черты инцеста. В древнем Египте живые боги-фараоны женились на своих сестрах и дочерях и таким образом реализовывали в своей жизни иерогамию. К чему я веду? А к тому, что иерогамия осуществляется в каждом долгом и счастливом браке, хотя бы и в барке Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича. Пошляки говорят, что брак, который длится больше семи лет, это уже кровосмешение. И они правы: старые супруги это двое, которые стали одним – «едина плоть бысть», то есть они становятся родными. Но и этого мало! У женщины с возрастом увеличивается содержание мужских половых гормонов, а у мужчины наоборот – женских. В соответствии с этим происходит смена их ролей в браке, совсем как у ипостасей Троицы на иконе Рублева – женская-четная превращается в мужскую-нечетную и наоборот. Так долгий земной брак приобретает черты иерогамии-инцеста. И тогда, прожив жизнь в таком браке, человек начинает догадываться о том, как сосуществуют Бог и Мир. Мир, Космос – это женское начало, это Чрево, в котором вызревает разумное существо – сын Бога. А точнее – Его дочь, которая созрев, должна вернуться к своему Отцу и вступить с Ним в священный брак. Эволюция Космоса – это притча о блудном сыне, только в ее финале сын оказывается дочерью. Бог-мужчина в своей иерогамии меняет физические константы мира, женщина-эволюция-вселенная вынашивает эту их новую комбинацию до созревания в ней разума-сына, который снова возвращается к Отцу в качестве дочери-жены для новой иерогамии, в которой родится новая Вселенная с новыми константами. Так существует Бог... Наверное. Точнее, так Его существование выглядит изнутри счастливого человеческого брака, в котором мед медового месяца с годами превратился в выдержанную медовуху, которая бьет по ногам, но голову оставляет ясной. Достаточно ясной, чтобы понять правоту Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»

Все новобрачные отправляются в свадебное путешествие. Некоторые сразу же на следующий день после свадьбы. Некоторые – через неделю, иные - через месяц. А мы собрались в свадебное путешествие через два месяца... после сорокалетия совместной

жизни. Да и то надо сказать, что подвигли нас на это предприятие дети, которые взяли на себя все заботы и расходы по организации этого путешествия. Это был их подарок к юбилею свадьбы родителей. Что тут поделаешь? - Надо ехать. Дети много раз слышали историю о том, как через месяц после свадьбы их будущие родители уехали в «свадебное путешествие» кто куда: я – в Крым с альпинистами, а моя молодая жена – в Чехию к родителям, чтобы попытаться убедить их в том, что русский муж – это вовсе не катастрофа в ее жизни. Потом много лет подряд мы ездили вместе в Крым, и сами и с детьми, но это не было «свадебным путешествием». Оно так и осталось неосуществленным. И вот дети решили, что теперь настала пора его осуществить. Но в Крым теперь попасть из Европы стало почти невозможно - нет прямого сообщения. И тогда дети решили поехать с нами в «местный Крым» - на Истрийский полуостров, который так же вдается с севера в Адриатическое море как Крым в Черное.

Люди более напоминают трамваи нежели автомобили. – Я хочу сказать, что каждый в жизни своей едет по рельсам своей собственной судьбы. И как бы близки ни были два человека в какой-то период их жизни, нас не должно удивлять то, что в какой-то момент они вдруг быстро и необратимо разойдутся очень далеко друг от друга – просто так проложены рельсы их судеб. Но супруги это не просто люди, рельсы которых расположены близко друг к другу. Это люди, которые едут по одним и тем же рельсам. Брак – это стрелка, которая переводит их на общие рельсы. В этом и заключается евангельское «будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть». Общие рельсы – это рельсы одного из них, который и есть первый вагон с вагоноважатым. А второй становится просто прицепным вагоном. И это положение обоим устраивает, потому что оба ощущают эти рельсы как свои. Попытка сойти с них означает жизненную катастрофу. Поэтому мы с супругой отправились в свое свадебное путешествие как трамвай из двух вагонов – держась за руки и глядя на отражение мелькающих пейзажей в глазах друг друга. Она – первый вагон, я – второй. Так сложилось в нашей жизни с самого дня свадьбы, когда она откусила большой кусок от каравая, чем я, что и означало ее главенство в семье. Вроде бы была просто игра в обряд, ан нет, – все так и сложилось.

И все-таки наш символический «трамвай» отправился в свое путешествие на автомобиле. И вот дети сменяют друг друга у руля, автомобиль глотает километры автобана, каждый из которых неотличим от другого, поэтому пространство пути становится временем, обтекающим славное изделие корейского автопрома. Пока дорога идет по равнине, автобан заполняет собой весь окружающий мир. Небо не в счет – оно кажется совершенно посторонним и чуждым этому искусственному миру. Да и взгляд совершенно не фиксируется на том, что творится в небе, потому что истинное «небо» автобана образовано его дорожными знаками и указателями. О, как скушна и безнадежна дорога, над которой нет неба! Я смотрю на тучи, несущие воду Адриатики на север, и погружаюсь в размышления: «Малое знание – уводит от Бога, большое – возвращает к Нему. Почему это так можно понять на примере принципа экстраполяции или принципа актуальности, на котором держится научное знание: как здесь – так и везде, как сейчас – так и всегда. Как во время движения по автобану. Здравый смысл и жизненный опыт говорят нам, что это далеко не всегда верно. Но если отказаться от этого принципа, то нужно отказаться и от науки, потому что она стоит на этом «ките и черепaxe» познания. Мыслящий человек понимает, что этот принцип локален, как пространство автобана. Правда эта локальность может в отдельных областях знания достигать размеров Вселенной, однако в других областях она может съеживаться до размеров планковской длины. Говоря словами Тютчева, под принципом актуальности всегда «шевелится хаос». Как эти тучи, непрерывно меняющие свои очертания. А наука боится хаоса, она бежит от него как бежит и от Бога. Бежит до тех пор, пока от него можно убежать. Пока не столкнется с границами областей экстраполяции. И тогда, стоя на этих границах, некоторые из ученых вдруг понимают, что вся наука локальна, а реальность всегда превосходит эту локальность. И единственный в Мире, для кого на самом деле действителен принцип актуальности, это Бог».

Дождь брызнул в ветровое стекло и забарабанил по крыше машины. Асфальт мгновенно превратился в пузырящуюся водную поверхность, на которой мчащиеся автомобили тщетно пытались оставить след своих протекторов, но водная стихия была равнодушна к этим жалким попыткам. Теперь небо со своим «шевелиющимся хаосом» властно и неотвратимо вторглось на территорию искусственного мира людей и машин. И это хорошо. Это внушает надежду на то, что на каждый искусственный «Титаник» в природе припрятан свой естественный «айсберг». – А вот и «айсберг»! Я вдруг заметил, как слева за стеной дождя вдоль всего горизонта появились неподвижные тучи. Горы! Это были Альпы. Горы сразу изменили все – и сам пейзаж и смысл пейзажа. Небо вдруг нашло, в чем отразиться на земле, и вместе с горами оно образовало пейзаж, в котором автобан мгновенно превратился в тонкую нитку, петляющую и ныряющую в этом вечном пейзаже. Дождь то прекращался, то снова сыпал на дорогу. В хаосе туч внезапно проглядывали освещенные солнцем облака, которые вдруг оказывались не облаками, а вершинами гор, занимающими место облаков. На них лежал снег, в котором материализовывался солнечный свет. Снег сползал длинными языками по оврагам и ущельям до самой весенней зелени берез и буков, и там на осыпях изнемогал от тепла, не в силах выдавить из себя ни ручья, ни водопада. Горы ежились рядами темнозеленых, почти синих, елей, среди которых яркими желто-зелеными пятнами светились луга и лиственные деревья. Я взглянул на жену. Она улыбнувшись, кивнула в сторону гор, я в ответ тоже кивнул, – мы обменялись впечатлениями. Диалог супругов, проживших вместе сорок лет, неотличим от монолога. Как сказал бы дзен-буддист: «Хлопок одной ладони». А диалог совпадает с монологом только в молчании: ты пытаешься хлопнуть своей ладонью по ладони своей супруги, а ее ладонь оказывается твоей же ладонью, причем именно той, которую ты протянул навстречу ее ладони. Так и длится это молчание, сопровождаемое только взаимным отражением наших глаз. Я снова погрузился в созерцание гор и размышление: «В чем смысл путешествия? – В собранности, в решимости целиком, всей своей жизнью, отпустить себя в новое, неведомое пространство существования. Или отразиться в этом пространстве, как в новом зеркале, чтобы увидеть себя целиком, как еще никогда не удавалось увидеть. А увидев, быть может тем самым понять и смысл своей жизни. Хотя бы частично. Хотя бы чуть-чуть. Но тогда и путешествием мы можем назвать только то событие, где нам приоткрывается этот смысл? Тогда поездка на самые экзотические острова может не быть путешествием, а тихое чаепитие на веранде своего дома может оказаться им. Ахиллес не может догнать черепаху, напрягаясь в бесконечном беге, но может пить с ней чай, никуда не торопясь. Разве сама жизнь наша не есть путешествие от станции «Рождение» до станции «Смерть»? Ну а после свадьбы это путешествие сразу и естественно превращается в «свадебное путешествие». Мы сидим у окна этого «поезда» и наблюдаем как мимо нас проносятся вьюги январей, сиреневая кипень маев, тихая жара июлей, пронзительная сырость листвы нояблей, а мы при этом совершенно не меняемся, потому что видим друг друга в только в зеркале наших глаз. Свадебное путешествие – это путешествие супругов сквозь время их жизни, над которой время не властно». Я вспомнил свою мысль о том, что на автобане пространство становится временем, а вот здесь, в горах, наоборот время обретает форму и становится пространством, которое можно созерцать. Я не первый раз еду по этой дороге через Альпы, но каждый раз вижу одни и те же изгибы времени. А Гераклит говорил, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, но ведь мы с женой входим в «реку» свадебного путешествия впервые...

Мои размышления прервал провал туннеля, проглотивший нашу машину и снова превративший пространство дороги во время пребывания в чреве горы. Казалось, что сама машина не движется, но перистальтика гигантского кишечника стремительно проталкивает нас навстречу солнцу и морю...

Истрия началась сразу за пограничным контролем, как наверное и положено раю. И сразу слева и справа от дороги потянулись крымские светлые скалы, темная охра обрывов, удерживаемая корнями низкорослых дубов, ровные ряды оливковых рош и яркозеленых виноградников, темные силуэты кипарисов. У самой дороги вдоль отбойников цвели олеандры. А в воздухе стоял аромат лаванды. Через пол-часа мы подъехали к морю, где дети заказали для нас домик на три дня. Жена сразу же погрузилась в море, а я сидел на нагретом за день камне и медленно вспоминал эти запахи и звуки. И смотрел на небо, которое наконец-то заняло свое главенствующее положение в этом мире, отразившись в море. Оказывается горы были для неба только временным решением, а истинным его дополнением является только море.

На следующий день с утра жена опять качалась на волнах как чайка, блаженно улыбаясь и ведя с морем только ей одной ведомую телесную беседу. В этом общении третий был лишним, даже если этот третий был мужем. И я пошел гулять вдоль моря среди вековых пиний и кипарисов. Я вдыхал запах хвои смешанный с запахом моря и слушал как шуршат камешки под ногами. Стоит закрыть глаза и увидишь себя в Крыму, где-нибудь на дорожке нижнего парка Никитского ботсада или на тропинке мыса Мартян. Как давно это было! Но вот мгновенно все ожило здесь и сейчас. Я присел на бревнышко под сосной над обрывом и стал смотреть и слушать море. Оно шуршало, шипело, плюхало и что-то шептало мне. О чем? О чем может нашептывать Адриатическое море? – конечно о своем вечном страннике Одиссее. И я подумал: «Почему принято отправляться в свадебное путешествие? Откуда это идет? А ведь это идет от Одиссея. Нет, он конечно не с Пенелопой путешествовал. Тут не в этом дело. А дело в том, что именно с Одиссея стало ясно, что новая жизнь начинается только в путешествии. А кто не прошел испытания путешествием, тот недостоин новой жизни. В старой привычной жизни усилия человека уходят только на питание и отдых, так что жизнь его и нельзя назвать вполне человеческой. Человек в такой жизни это «нетворящее сотворенное начало», как говорил Иоанн Скотт Эриугена. А в путешествии он сразу превращается в «творящее тварное начало», он становится автором своей жизни, его усилия направлены на такие вещи, которых вне путешествия просто нет. И он должен создать эти артефакты, привести их в действие, включить их в свою жизнь. Можно сказать, что путешествие – это такой тотальный перформенс жизни человека, это произведение искусства, в котором человек впервые принужден быть творцом, то есть собственно человеком. Не помню кто это подметил, что Одиссей – это первый человек, обладающий самосознанием, то есть собственным «Я». Все герои до него руководствовались голосами «богов», которые звучали в их мозгу. Они были своеобразными зомби, которые не ведали, что творили. И только отправившийся в путешествие Одиссей стал первым человеком. И не случайно первый богочеловек Христос тоже отправляется в свое трехлетнее странствие, чтобы стать тем, кого мы теперь знаем. И Савла превратило в апостола Павла путешествие, которое он продолжал до самой своей смерти. Это были путешествия-творчество: Христос своим путешествием создал Евангелие, а апостол Павел создал Церковь. А свадебное путешествие должно создать новое человеческое существо – супружескую пару. И если это новое существо в путешествии не возникнет, то это не свадебное путешествие. Путешествие делает путешествием именно творчество, которое в нем совершает человек. Может быть создание произведения искусства – это и есть точный эквивалент путешествия. Писатель, склонившийся над клавиатурой, или художник, склонившийся над палитрой, уже отправились в свое путешествие. А толпы туристов, делающие селфи на фоне Парфенона, так и не знают что такое путешествие: их передвижение по достопримечательностям ничем не отличается от сидения перед телевизором. Художник же всегда находится в путешествии, даже никуда не перемещаясь в пространстве. Как и супруги, прожившие в любви и согласии сорок лет, все еще пребывают в своем свадебном путешествии».

Я не предполагал, что еще этим вечером жизнь предъявит мне такой «перформенс», который я не смогу включить в свою жизнь. Но все по-порядку: мы поехали в

близлежащий городок купить продуктов, прогулялись по историческому центру и порту, потом вернулись к своему домику. И тут стало заметно, что в это место прибывает все больше байкеров. Вереницы ревущих никелированных чудовищ с татуированными дикарями на них заполняли все свободные паркинги и лужайки. Мало того, они монтировали сцену и явно готовили площадку для рок-концерта. Старший сын узнал у хозяина отеля, что концерт действительно будет, но не сегодня, а завтра. Это нас немного успокоило, но это оказалось неправдой. Концерт начался сегодня. Но пока я этого еще не знал и спокойно разглядывал с веранды своего домика прибывающий народ. Это все были тинейджеры различного возраста – от молодых до очень пожилых, но всех их объединяла, кроме татуировок, одна общая черта – отсутствие мысли в глазах. Я вспомнил высказывание Паскаля: «Человек не что иное, как мыслящий тростник и все наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить. Постараемся же научиться хорошо мыслить». Мераб Мамардашвили сказал более жестко: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Я бы убрал слово «точно» и тогда эта формула опишет существование человека. И вот теперь, вслед за Радищевым, мне захотелось воскликнуть: «я взглянул окрест меня и душа моя уязвлена стала». Ибо ясно видно, что человек, вопреки Паскалю, все время пытается «возвышать себя в отношении к пространству и времени», и все время пренебрегает своей способностью «хорошо мыслить». Старики изображают из себя тинейджеров, пытаясь любыми способами продлить время своей пустой жизни. Толпы туристов скучают на всех морях и островах, пытаясь охватить своей пустой жизнью как можно большее пространство. Это ли не игры дьявола, которые делают «мыслящий тростник» просто чертополохом, а то и плесенью, которая стремительно покрывает собой нашу прекрасную планету. «Но если тростник мыслит, значит это кому-то нужно? Может же он жить и без мышления. Значит... Вот так задумаешься и невзначай откроешь очередное доказательство бытия Божия, «коих, как известно, существует ровно пять», если не считать доказательства «беспокойного старика Иммануила».

Ночью они нам показали, кто здесь «плесень»: с десяти вечера до трех ночи ревел концерт. Казалось, что сами стены домика превратились в репродукторы, которые заколачивали в голову один гвоздь за другим. Сердце в моей грудной клетке металось, ища выхода. Моя супруга, никогда не теряющая самообладания, спокойно спросила:

- В чем заключается задача философа?

Я не способен был ей ответить в тот момент. И она ответила сама:

- В том, чтобы различать то, что можно изменить, от того что изменить невозможно и последнее принять.

- Я принял уже столько децибелл, что дальше должна наступить контузия, - выдавил я из себя жалкую шутку. На самом деле я чувствовал себя Одиссеем запертым в пещере Полифема, но в отличие от Одиссея мое хитроумие иссякло. Спал я в ту ночь три часа – с четырех до семи. Утром я пришел на веранду к номеру детей, где старший сын пил утренний кофе и что-то писал в компьютере. Он взглянул на меня и все понял. Я взмолился:

- Если мы сегодня не уедем отсюда куда-нибудь, они меня добьют на следующую ночь. Он улыбнулся и сказал:

- Все в порядке, папа. Я заказал нам жилье на эту ночь на другом конце города.

Я вздохнул с облегчением и подумал, что хреновый из меня получается Одиссей.

Современного Полифема может победить только современный Одиссей. Такой, как мой сын. А я бы сам здесь просто пропал. Я спросил его о младшем.

- Он еще спит. Он всю ночь писал рассказ.

- Как? При таком реве?

- А он говорит, что молодые к року привычны. Я всю ночь варил ему кофе, спать я все равно не мог.

В голосе его было столько нежности, что я вспомнил слова апостола Иоанна: «не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?»

В тот день мы выдержали у моря до пяти вечера и бежали оттуда сквозь нарастающий рев динамиков. За городом, на другом конце, мы сняли этаж в особняке, расположенном в оливковой роще. С балкона еще была видна полоска моря, но это было далеко. И даже здесь ночью до нас доносились звуки рока. Мы как раз проснулись с женой в час ночи и лежали, держась за руки. Я попытался обнять ее, но она отстранилась и спросила:

- Что остается от любви, когда уже нет секса?

- Что остается?

- Любовь, остается, глупый...

Я помолчал и тоже спросил:

- А что остается от моря, когда мы от него уезжаем?

- Что остается – воспоминания?

- Небо остается!

И мы снова заснули под отдаленное буханье барабанов.

4

Дорога поднималась от моря в гору. И казалось, что и зеленые холмы Словении поднимаются к небу, будто воздушные шары наполненные горячим воздухом. А вверху маячили совсем уже невесомые горы, которые цеплялись за тяжкие тучи, гонимые Адриатическим Зефиром в сторону нашего дома. Я украдкой смотрел на детей, которые попеременно и молча вели машину. Я знал, что и жена смотрит на них тем же взглядом, что и я. Но не знал, что именно она думает при этом. А я думал о том, что наше свадебное путешествие было недолгим возвращением нашей семейной жизни, которая уже давно протекает отдельно от детей. Они нам подарили четыре дня семейной жизни – роскошный подарок, невзирая на встречу с дикими байкерами. Я вспомнил как недавно мы все вместе смотрели наши свадебные слайды и старший сын спросил: «Чего ж вы нас с братом не пригласили на свою свадьбу, если это было так весело?». - Пригласили, именно что пригласили, вот сейчас мы как раз все вместе на ней и присутствуем. Ведь путешествие – это не куда, путешествие – это зачем! Истинное путешествие – это бегство от чужого и чуждого к себе и своему. В нашем путешествии мы все свои, мы все здесь дома. Я с содроганием вспомнил толпу байкеров и в памяти всплыла формула Сартра: «Ад – это другие». Быть может смысл нашего путешествия и состоял в том, чтобы «врата ада не одолели» нашу жизнь. Вот например Гоголь это хорошо чувствовал и оживал только в путешествии, поэтому его дом – это Русь-тройка. Только из быстро мчащейся коляски можно было без содрогания души наблюдать нечеловеческую жизнь «мертвых душ». И «мимо, мимо!», не задерживаясь нигде. Но Гоголь был одинок в жизни и поэтому не знал спасительности свадебного путешествия и семьи. А Пушкин знал, поэтому именно он написал гимн свадебному путешествию:

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем

Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля —

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Хотя дорога домой длилось столько же, что и дорога к морю, но казалось, что время пролетело быстрее. По пути домой мы еще заехали в наше имение, чтобы полить огурцы и помидоры в теплице. И когда ехали оттуда домой в привычное время по привычной дороге, я подумал что может быть все это путешествие мне только

приснилось, а мы как обычно провели этот викенд в нашем имении. А жизнь в имении с любимой женой чем не «свадебное путешествие»?

Имение «Ясневая поляна», Истрия, апрель - май 2018